

# Бомж

О. Б. Шефтель, У. А. Шаховская

## I

Ни для кого не секрет, что огромной социальной проблемой в наше время стало большое количество бездомных, или, как их называют, людей «без определенного места жительства». Они живут в метро, в подъездах, в коллекторах, на вокзалах. Эти люди попрошайничают, воруют, занимаются проституцией, грабят. Вероятно, в Москве нет ни одного человека, который так или иначе не сталкивался с ними

Летом 2001 г. я<sup>1</sup> работала в московском приюте воспитательницей младшей группы. Однажды к нам в приют привезли девушку-бродяжку (Юля<sup>2</sup>, 15 лет). Милиция уже несколько раз привозила ее сюда, но она всякий раз убегала. Вот и теперь, сразу после того, как ее привезли, она пропала, но на этот раз не одна: она увела с собой девочку из моей группы (Ксения, 5 лет). Я спросила, откуда привезли Юлю. Оказалось, что с Курского вокзала. Туда я и отправилась. Около вокзала я остановила мальчика-бродягу и от него узнала, где обычно собираются беспризорники. Но там никто из детей не хотел со мной разговаривать: они шарахались от меня или убегали. Я долго бродила по задворкам вокзала, пока не встретила двух мужчин среднего возраста, довольно прилично одетых. Они сидели на рельсах, пили водку; рядом сушились носки. Увидев меня, они немало удивились и поинтересовались, что мне нужно в таком месте. Я рассказала им про приют, про Ксению. Они представились: «Боря и Женя, бомжи Курского вокзала» — и посоветовали пойти в парк, куда в определенное время приезжает кухня кормить бомжей. Но предупредили, чтобы здесь я больше не ходила, а то «мало ли что», и обещали встретиться меня у кухни, когда закончат свои дела. Их совет показался мне вполне разумным, так как на обед собираются практически все обитатели вокзала. Возможно, придут туда и Юля с Ксенией. К трем часам дня в парке стали собираться люди. Очередь к кухне представляла собой странное зрелище: наряду с бомжами, какими мы привыкли их видеть (испытые, оборванные, плохо пахнущие), там стояли приличного вида люди — мужчины в пиджаках, женщины с умело сделанным макияжем. Всюду сновали дети, одни или с родителями. Вскоре появились Женя и Боря. Мы ходили вдоль очереди и спрашивали у всех, не видал ли кто-нибудь девочек. Спрашивали в основном они, со мной бомжи разговаривать отказывались, так как слишком приличная, не своя, да и мало ли, зачем ей это надо. Сложнее всего было с детьми. Услышав, что я из детского дома, они замыкались, обещали рассказать что-нибудь, только когда я уйду. Пока мы расспрашивали про Ксению, меня представляли «нужным и хорошим людям, без помощи которых на вокзале не прожить». Поиски продолжались четыре дня. На пятый день мне позвонили из

---

<sup>1</sup> Рассказывает О. Б. Шефтель.

<sup>2</sup> Все имена изменены.

отделения милиции, в которое подкинули девочку. Ксения ничего не рассказала ни о том, кто привез ее в отделение, ни о том, где и как она провела эти четыре дня.

Так я установила доверительный контакт с бомжами. Он был именно доверительным — в противном случае и девочка не нашлась бы. Все это время мне помогали Боря, Женя и еще несколько новых знакомых. Сразу хочу сказать, что делали они это совершенно бескорыстно, денег у меня не было, о чем я сказала им, как только они предложили свою помощь. Более того, они отказывались даже от еды и принимали от меня только одежду и лекарства.

С самого начала стало понятно, что люди, которых мне пришлось увидеть, существуют в своем особом мире. В мире, имеющем собственные законы, традиции, свою систему ценностей и даже свой язык. В статье я попробую рассказать о быте и взглядах на жизнь этих людей, основываясь на их словах и том, что мне самой удалось увидеть. Этот опыт интересен, так как позволяет увидеть наш мир и мир бомжей их глазами.

Первое, о чем хотелось бы сказать, — это то, что на вокзале существует достаточно жесткая иерархия, социальное положение каждого обитателя вокзала определено. (Мне повезло познакомиться с элитой, людьми, занимающими высокое положение в этой иерархии.)

Читателя, возможно, удивит желание бомжей помочь мне найти пропавшую Ксению. Но ведь многие из них — в прошлом детдомовцы. Эти люди хорошо помнят детский дом, его обычаи и правила. Они прекрасно понимают, что побег ребенка из детского дома — дело обычное. И если отнестись к этому формально, то никто не обратит внимания на происшествие и на профессиональный рост воспитателей оно не повлияет. Значит, я пошла на вокзал по собственной инициативе, потому что мне не безразлична судьба маленькой девочки. Такого отношения к детям они, проводившие детство в приютах, не видели. За то, что я просто так, бесплатно пошла искать ребенка (а это достаточно опасно), они и согласились мне помочь. Кроме того, на вокзале место людям пропащим, тем, чья жизнь абсолютно всем безразлична, а раз судьба девочки кого-то волнует, у нее есть шанс вырасти хорошим человеком. Значит, ей надо помочь,

«Если ты нас стесняешься, можешь отсесть. Я бы, наверное, постеснялся». Я не отсела и, может быть, этим также завоевала немного доверия. Уважать их законы не значит отступать от собственных жизненных правил. Но надо принимать во внимание то, что у них своя культура общения, свои правила. Это очень важно, так как иногда при попытке помочь этим людям мы навязываем им свои взгляды, не задумываясь над тем, что они считают ценным и важным для них. Это часто и ведет к краху таких попыток.

Многие психологические теории утверждают, что в самой сущности человека (кем бы этот человек ни был) заложено стремление совершать, хотя бы иногда, добрые, хорошие поступки. Безусловно, вокзальные бомжи часто озлоблены, закрыты, но и они мечтают о чем-то хорошем, добром. Другое дело, что часто разочарование, обиды мешают в полной мере проявиться этому стремлению, а главное, этого часто не замечают окружающие. Они не верят в то, что бомжи, «люди опустившиеся, часто преступники», способны на «человеческие чувства и проявления».

## II

Отношение людей нашего мира к бомжам во многом определяет жизнь на вокзале, самосознание, мироощущение его обитателей. Вот характерный пример.

Я стою у вокзала и разговариваю с Борей. Вдруг слышу: «Ты посмотри на нее, такая молодая, а уже тоже пьющая. Небось, и детей успела нарожать, ведь они все тут спят друг с другом...» Вот оно отношение к обитателям вокзала. Если ты оказался в компании бомжа, значит, ты алкоголик, проститутка и т. д. Создается ощущение, что попавший на вокзал теряет статус человека или просто перестает существовать: об него можно споткнуться и не

заметить; можно стоять и рассматривать его, показывая пальцем; можно делать ставки, кто быстрее «сожрет свой суп»; можно подойти и сфотографироваться рядом с ним; отнять у него понравившуюся тебе вещь; подойти и ударить, если у тебя плохое настроение.

Позволю себе привести еще одну иллюстрацию. Третий день поисков, дело к вечеру. Ко мне подходит мужчина и предлагает провести с ним ночь за сто рублей и ужин. Я возмущенно отказываюсь и пытаюсь уйти. Мужчина заявляет, что, если я не соглашусь, он позовет милицию и обвинит меня в краже. Милиция поверит ему, так как он порядочный человек, а я бомж. Показав документы, предлагаю в самом деле обратиться в милицию. Мужчина извиняется и уходит.

Вот что рассказывают сами бомжи:

«Вообще люди странные, разные у них причуды. Пришел вчера мужик, видно, деньги у него есть. Золотая цепь на шее, одежда дорогая. Есть, говорит, у вас баба какая-нибудь, повонючее? Я б ее купил. Скажите, кому и сколько надо отдать, и приведите поскорее, а то мне здесь стоять, ждать не хочется. Или вот, например, два иностранца пришли. На ломаном русском объяснили, что им хочется посмотреть на русских бомжей и поиграть с ними в карты. Много про нас слышали, такая вот русская экзотика. А бомжам за это баксы предлагали...» С первого взгляда предложение безобидное, но только возникает ощущение, что людей покупают. Ведь вокзал — их дом. И вот в этот дом приходит неизвестно кто и говорит: «Я тебе плачу за ночь столько-то денег за такое-то время, делать будешь, что я скажу».

«Вообще, у нас тут беспредел: мужики пытаются баб купить, бабы — мужиков, голубые — тоже мужиков, все кого-то купить хотят, будто какой-то магазин, выставка-продажа».

Можно привести еще множество примеров унижительного, нечеловеческого отношения. Отношения, которое, обесценивая человеческую жизнь, ставит на первое место деньги, власть и социальный статус.

Другая крайность — это жалость. Не сочувствие, а именно жалость. Один человек после вопроса, не видел ли он девочку, попытался дать мне деньги. «Я знаю, — говорит, — ты просто кушать хочешь». Или подходит женщина и начинает пирожками угощать, а если отказываешься, орет: «Для вас тут стараешься, печешь, а вы... неблагодарные, не едите». Чаше всего жалеют детей. Их иногда даже берут домой: «Пусть детки телевизор раз в жизни посмотрят». Берут, а потом выгоняют — надоели. Это очень похоже на отношение к бездомным собакам. И получается, что в общем-то добрые поступки совершаются не из желания помочь, а чтобы уверить себя и окружающих в собственном благородстве. При этом «помощники» часто забывают, что перед ними «не братья их меньшие», а дети. Наталкиваясь на естественный отказ от такой унижительной помощи, люди злятся и уже сознательно стараются унижить и обидеть. Все это порождает ответную реакцию. И бесчеловечное отношение, и псевдожалость вошли в фольклор бомжей. Обитатели вокзала могут часами рассказывать про разные заманчивые предложения, сделанные им. Сюжет всех историй примерно одинаков: бомж обманывает предлагающего, получая для себя максимальную выгоду с минимальными потерями.

Совсем по-другому складываются отношения с людьми, которые искренне сочувствуют бомжам. Многие организации стараются помочь и оказывают реальную, ощутимую поддержку (кухня, медпомощь и т. д.). Естественно, что при общении с бомжами возникает желание изменить их соответственно своим представлениям. Это желание выражается в неких требованиях, как разумных: запись пришедших, мытье рук (к этим требованиям относятся терпимо и соблюдают их), так и бессмысленных: бросить курить, перестать материться.

За едой на кухню обычно стоит огромная очередь. Когда кухня уезжает, остается очень много мусора (окурки, бумажки, пустые бутылки и т. д.). Учредители кухни не могут договориться с бомжами, чтобы те не сорили. Из-за этого кухню для бомжей несколько раз хотели закрыть. Один из главных бродяг, пользующийся большим уважением, разозлившись на свинарник, решил сам навести порядок. Пришел, на кого-то накричал, кого-то выгнал из

очереди, кого-то попросил. С бомжами он договорился. Вместо того чтобы поблагодарить за помощь, ему сделали замечание, что он кричит на людей и не говорит «пожалуйста». Прочитали длинную лекцию о том, как надо общаться с людьми, чтобы «тебя все полюбили».

Попытки навязать свою точку зрения, не узнав предварительно, что происходит на самом деле, вызывают у бомжей шутки, ухмылки, часто являются темой обсуждения «за столом», но редко вспоминаются после. Подобные «воспитательные меры» не имеют никакого эффекта не потому, что «бомжи невосприимчивы и им чуждо все человеческое», а из-за недуманности этих мер и их несоответствия реалиям вокзала.

Рассказ об отношениях мира бродяг и нашего мира остался бы незаконченным без еще одной категории людей. Они хорошо знают вокзальную жизнь, постоянно наблюдают за жизнью обитателей вокзала. Как правило, это люди, работающие на вокзале (продавцы, грузчики и т. д.). Они допускают мысль о том, что бомж — человек. Человек, имеющий свою, обоснованную, точку зрения, свои права, обязанности. Им интересен не социальный статус стоящего перед ними, а то, какой это человек по своей сути. Таких людей на вокзале уважают, они в последнюю очередь могут стать жертвами бомжей.

В повседневной жизни удивляет и раздражает, насколько бомжи игнорируют окружающих людей (в час пик в метро они спят, развалившись на все сиденье; распивают спиртные напитки в самом не подходящем месте и т. д.). У них нет другого выхода. Бытует мнение, что если человек — бомж, то он сам в этом виноват (это иллюзия, но об этом позже). В поведении окружающих очень точно просматривается гордость за то, что они «не такие» (хотя гордиться этим не стоит, этому можно только радоваться), и брезгливость к бомжам, порожденная чувством собственного превосходства. У бродяг существует два способа защиты от такого отношения: или игнорирование, часто показное, или эпатаж («какими вы нас хотите видеть, такими мы и будем»). Не надо думать, что бомжи не замечают нашего отношения и выпадов в их сторону. Для них единственный способ сохранить хотя бы остатки уважения к себе (насколько это возможно в их ситуации) — это отгородиться от окружающего мира, не думать об уважении, превращать все в шутку. Этому надо долго учиться, и даже люди, в совершенстве обладающие этим мастерством, отнюдь не всегда спасаются за маской безразличия. Я не видела ни одного человека на вокзале, который уважал бы себя не назло всему, а потому что как человек он достоин уважения.

Хочется еще раз повторить, что жестокость, грубость, бесчеловечность, царящие на вокзале, — не что иное, как результат нашего отношения к бомжам. То, чего люди не могут допустить в общении с равными себе по социальному статусу, они позволяют в общении с беззащитными.

### III

На вокзале существует несколько сообществ, которые живут параллельно и делятся по национальности, интересам и т. д. (например, цыгане). Насколько мне известно, они практически не пересекаются, поддерживая между собой индифферентные отношения. Я буду говорить только об одном из этих сообществ, поскольку мне неизвестно, как складываются отношения в других.

Выше уже отмечалось, среди вокзальных бомжей существует достаточно жесткая иерархия. Она поддерживается неписаными законами вокзала. За их соблюдением следят очень строго. В соответствии с этой иерархией у каждого человека есть свои права и обязанности по отношению к окружающим. Чем ниже человек по социальному статусу, тем меньше у него обязанностей, но и прав меньше.

«Ты сегодня некрасиво поступила». — «Что я плохого сделала?» — «Васька деньги на водку просил?». — «Да». — «Ты ему дала?» — «Да», — «Ну, так вот. У нас деньги на водку Коля выдает. Когда он скажет, тогда мы водку и покупаем. Сегодня денег не было, вот мы и не

пили. А Васька у тебя деньги стрельнул, мы все вместе выпили. А теперь Коля должен тебе деньги отдать. У него их нет, значит, ему занимать придется». — «Да ладно. Коле не надо отдавать. Вы и так много времени на меня тратите. Пускай будет, что я вас угостила». — «Угощать будешь, когда девочку найдем. А сейчас Коля обязан деньги вернуть, иначе получается, как будто он здесь распоряжается, не он главный. Никогда больше никому денег здесь не давай. Даже мне не давай. Только если сам Коля попросит, только тогда можно».

Всех жителей вокзала можно условно разделить на три класса:

- самый малочисленный — это «элита». Она делится на небольшие группы (ядра). Внутри каждого ядра есть лидер. Во избежание конфликтов лидеры групп стараются договориться между собой. Если конфликта избежать не удастся, вопрос решается силой;
- средний класс, в который входит большинство жителей вокзала. Люди этого класса не делятся строго на группы, а примыкают то к одному ядру, то к другому. За советом, защитой, помощью люди идут к одному из лидеров. Четкие границы групп появляются обычно в конфликтных ситуациях;
- последний класс составляют люди, опустившиеся даже в глазах остальных бомжей. На вокзале их называют «китайцами».

Если исходить из представлений о бомжах как о существах низших, можно предположить, что лидер выявляется по силе, жестокости и т. д. Ничего подобного. Прежде всего в человеке ценится его прошлый опыт. Ядро одной из групп, к примеру, составляют три человека, воевавшие в Афганистане. Их уважают за то, что они многое видели, многое пережили. Очень большую роль играет понимание того, что эти люди оказались на вокзале не по собственной глупости, в результате стечения обстоятельств. Судьба двух из них весьма показательна.

Детство они провели в детском доме. В 18 лет попали в Афганистан, потом в другие горячие точки России. Числились без вести пропавшими. Квартиры, которые им выдали по окончании детского дома, куда-то пропали. Когда ребята вернулись с войны, им было далеко за 20, у них не было ни дома, ни семьи, ни малейшего представления о нормальной жизни. Наше общество полностью забыло о них. Так они попали на вокзал.

На вокзале к войне относятся очень серьезно все, от маленьких детей до стариков. В той среде много говорят о войне, взрослые рассказывают детям о ней. Человека, прошедшего войну, уважают уже за это. Очень уважают умения и знания человека. Чем больше человек знает, может рассказать, посоветовать, тем выше его социальный статус. Ценится умение человека делать что-то полезное своими руками (это может быть умение чинить обувь или лечить людей),

Почти у каждого уважающего себя бомжа есть место, где он может вымыться. Он старается не ходить в драной одежде (очень полезно умение хорошо шить) и содержать себя в чистоте. Иначе себя ведут только «китайцы».

Большое значение имеет денежный вопрос. Человек, примкнувший к группе, должен вносить свой вклад в общий бюджет. Это чаще всего связано с противоправными действиями, хотя встречаются и попытки заработать деньги честным путем. В разговорах на тему заработка о морально-этических сторонах вопроса стараются не упоминать, хотя у каждого на этот счет есть собственное мнение. Существуют и некоторые общие положения:

- люди, использующие бомжей для удовлетворения своих потребностей, чаще всего становятся жертвами. В этом случае преступление расценивается как справедливое возмездие. Обесценивая жизнь другого человека, нельзя говорить о ценности своей;
- деньги, заработанные преступным путем, считают «палеными, пустыми», говорят что «на них новую жизнь не начнешь»;
- не каждый человек может стать жертвой преступления. На вокзале существует ряд неписаных правил, которые запрещают некоторые виды преступлений (например, детоторговля презирается) и оберегают определенные категории людей (стыдно обидеть

старого человека, маленького ребенка). Нельзя сказать, чтобы все следовали этим правилам, но нарушивший их старается не афишировать свой поступок. За такие вещи могут выгнать с вокзала.

Да, люди, живущие на вокзале, в большинстве своем ведут преступный образ жизни. Но это привычка, от которой очень сложно отказаться. Мотивы преступлений носят не только корыстный характер, это возможность самореализоваться, показать себя перед другими. Тем не менее, неверно было бы сказать, что бомжам нравится такой стиль жизни. Практически каждый из них хотел бы изменить свою жизнь. Но не знает, как это сделать, как выйти из порочного круга, в котором он оказался, чем заменить преступную деятельность.

#### IV

Дети представляют собой отдельное сообщество. На вокзале их нередко называют «беспредельщиками». «Дети у нас те еще. Вот кажется, симпатичный парень, маленький такой. А не дай Бог тебе с ним столкнуться, когда он клеем надышится. Приглючится ему что-нибудь, он тебя забьет».

Дети — самые недоверчивые, самые жестокие жители вокзала. Добиться их доверия небомжу практически невозможно. Живут они на вокзале обособленно, у них своя территория, где взрослых практически нет. Взрослые на вокзале проводят свой досуг за водкой, дети нюхают клей. Зарабатывают на жизнь так же, как взрослые, только попрошайничают чаще, но это не исключает преступлений. У некоторых детей есть дом и семья, куда они иногда возвращаются, чтобы потом снова сбежать на вокзал. Другие живут на вокзале давно, и это их единственный дом. Основные характеристики детей вокзала — озлобленность и беззащитность.

Когда я в первый раз приехала на вокзал, меня познакомили с одним из детских лидеров. Ему всего 12 лет, но по всему вокзалу ходят слухи о его подвигах. За ним слава «беспредельщика», бесстрашного и жестокого, его боятся взрослые. «Пока он нормальный, он и старика защитит, и бедному поможет, а как клеем надышится, так может просто ногами забить насмерть, ни за что. Еще и ребят своих позовет». Разговаривать с ним было сложно — он изъяснялся несколькими матерными словами. На любую просьбу, вопрос, обращенные к нему, отвечал грубо, старался обидеть, разозлить. Но взрослые бомжи любили его, и этого я не могла понять, пока по воле случая мне не пришлось общаться с ним один на один. У мальчика сильно загноилась ранка на руке, и он обратился за помощью к взрослым. Когда я осматривала руку, он изо всех сил старался поразить меня: давил на рану, чтобы выходил гной, подробно описывал раны, которые ему довелось повидать. Когда выяснилось, что гноя я не боюсь, удивить меня нечем, он немного поостыл. Пока мы ехали в больницу, завязался разговор. Он рассказывал про свою семью, про жизнь на вокзале. Оказалось, что он может говорить без мата, что он обычный ребенок. Ему нравится смотреть мультфильмы, есть чипсы и играть на компьютере. Он очень хочет, чтобы его кто-нибудь усыновил, но боится — один раз его уже забрали домой, а потом чуть не продали, спасли бомжи. Теперь мальчик верит только им. Мы долго спорили — он говорил, что побьет врача, если будет больно, а я пыталась его переубедить. Моим основным аргументом было: «Ты же мужик, значит, должен терпеть, а то руки лишишься». Уже в больнице, когда врач нажал на нарыв, мальчик заплакал: «Я — мужик на вокзале, там по-другому нельзя, но я же маленький». На обратном пути рассказывал, какой он «хороший», предлагал мне забрать его домой. «Я, если вымоюсь, очень красивый, волосы золотые. И на компьютере умею печатать. У моей сестры муж — студент, так я ему курсовые печатал, и тебе буду, ты же учишься». По дороге он знакомил меня со своими друзьями, которых в метро и парке было немало. После того как он поверил мне, сложностей в общении не осталось. Очень по-разному он общался со мной и со своими друзьями — перед ними надо «держаться марку» — материться,

шутить; передо мной он не хотел больше этого делать. Разговаривая с ним, я не могла поверить, что тот человек, которого я видела на вокзале, который вызывал у меня неприязнь и недоумение, и этот ребенок — одно лицо.

Удивительно и чудовищно, как вокзальные дети умудряются собрать в себе самые ужасные черты взрослых, пережить такое, чего не дай Бог и взрослому, и после этого остаться детьми. Они со знанием дела рассуждают о том, сколько надо заплатить за полезную информацию; они прекрасно знают, какую водку лучше пить; они обманут любого, кто подойдет. Беспризорники знают, как «смотреться от ментов», как вызвать к себе жалость; они любыми способами готовы заработать на жизнь и прекрасно осведомлены «что почем». Их редко привлекают рассуждения на тему «что хорошо и что плохо», зато они знают, что важнее всего сила и хитрость. Нет более гордого, независимого и безразличного ко всему живому существа, чем вокзальный ребенок. Но если вдруг благотворительная организация показывает мультфильмы на одном из вокзалов, туда стекаются дети отовсюду. Маска безразличия спадает, и они становятся просто детьми, остро переживающими удачу и промахи мультгероев. Если вместо ста рублей ребенку предложить мячик за пятнадцать, он с радостью примет подарок и вспомнит о том, что он «бизнесмен», лишь после того, когда как следует наиграется.

Несмотря на то, что дети живут отдельно, у многих из них есть покровители среди взрослых бомжей. Каким бы ребенок ни был, ему все равно необходимы взрослые, их помощь, совет, внимание. Все это они получают от бомжей. Отношения складываются примерно такие — взрослые не вмешиваются в дела детей, не навязывают им своего мнения, но, если ребенок сам пришел за помощью, советом, ему обязательно помогут. У многих бомжей есть свои «подшефные» дети. О них заботятся, их пытаются воспитывать. И делают это бескорыстно, просто потому, что им жалко детей. Например, ребенку предлагают «пить водку со старшими, если он перестанет нюхать клей». Альтернатива, конечно, сомнительная, но бомжи предлагают то, что имеют сами, — лучшего у них нет, а клей, по общепринятому мнению, вреднее, чем водка.

Когда благотворительные организации привозят одежду, взрослые стараются отобрать что-нибудь для «подшефных». Нередко на вокзале я слышала просьбы: «Мне-то одежды не надо, а вот малому привези, если будет, а то у него куртка совсем порвалась». Детей пропускают перед собой в очереди за едой.

Дети идут к бомжам не только за практическим советом. Иногда им нужно просто доброе слово, ласка или хочется посидеть на коленях и послушать, о чем говорят взрослые. Все время, что я была на вокзале, меня удивляло, насколько бомжи переживают за детей. За едой можно услышать, как они обсуждают того или иного ребенка, как отучить его нюхать клей, к чему у него способности, каким бы он был, если бы рос в семье. Меня очень просили взять одного мальчика, потому что он «не приспособлен к жизни на вокзале, не сможет тут. Он маленький очень, ему женская ласка нужна, материнская, а мы ему этого дать не можем. Иногда берем его к себе, так он сидит, волосы у Жени на голове перебирает, и такой счастливый делается. Ну, куда ему на вокзал, ему мать нужна».

Взрослые бродяги часто устраивают что-то вроде уроков для детей — учат их шить, лечить ранки и ссадины, драться. Часто рассказывают им про «невокзальную» жизнь. Поэтому очень обрадовались моему появлению — я много знаю про «другую жизнь». Обсуждаются морально-этические темы (причем важно не только мнение «учителя», выслушиваются и «ученики») — как надо жить, что такое любовь и т. д. Все эти разговоры не связаны с вокзалом — это разговоры про идеал. Поэтому детям они очень быстро надоедают, и они уходят, а взрослые продолжают активно спорить, есть ли любовь, можно ли превратиться из бомжа в нормального человека и что для этого надо сделать, что означает «нормальная работа» и т. д.

Детей учат законам вокзала, нарушившего их жестоко наказывают. Взрослых и детей наказывают по-разному. Если взрослый нарушил вокзальные правила, его могут и убить. Если провинился ребенок, к нему применяется наказание жестокое, но дозированное. Лидеры следят, чтобы оно было справедливым и чтобы серьезного физического вреда ребенку нанесено не было.

Когда ребенок обращается к взрослым, от него стараются получить максимум информации: кто такой, откуда сбежал, почему дома не сиделось и т. д. Иногда уговаривают вернуться домой (если есть куда возвращаться). Ради этого временами разыгрываются целые сцены: один человек ловит ребенка и наглядно демонстрирует ему все ужасы вокзала, может потащить в милицию, может побить и т. д. Второй бомж «спасает» несчастного и объясняет ему, что на вокзале всегда так, что выжить здесь очень сложно. Он успокаивает ребенка и предлагает ему вернуться домой. При мне после такого спектакля ребенку купили билет на поезд и еду в дорогу, взяв с него обещание никогда не возвращаться на вокзал. Такие меры действуют на тех детей, которые сбежали из дому не из-за тяжелой атмосферы, а просто в поисках романтики. Вряд ли им когда-нибудь снова захочется пережить что-то подобное.

Примечательно, что, несмотря на заботу об отдельных детях, в целом сообщество взрослых и сообщество детей поддерживают партнерские отношения, в которых нет главных и подчиненных — все равны. Есть правило, что «малые должны старших уважать», но это применительно ко всем возрастам. Например, я была малой по отношению к Боре, значит, должна уважать его опыт. Но на вокзале нет отношения «как к маленькому». Говоря научным языком, нет позиций «родитель — ребенок», «взрослый — ребенок», есть только «взрослый — взрослый». Живущий на вокзале уже не ребенок. Он слишком много знает, слишком много пережил.

Конечно, не стоит идеализировать отношения взрослых и детей на вокзале. Во-первых, отнюдь не все бомжи питают слабость к детям. Многим взрослым они безразличны. Во-вторых, нередко дети оказываются обманутыми самими бомжами, другое дело, что обманывают по мелочам, в серьезных вещах стараются не врать. Дети относятся ко многим обещаниям скептически, знают, что они не исполнимы. Кроме того, существуют «свои дети», те, кто когда-то обратился за помощью и стал своим, и «чужие», с которыми взрослые не связаны никакими отношениями.

Можно сколько угодно пытаться донести до детей свои идеалы, свои умения, но по большому счету все это не имеет смысла, пока дети остаются на вокзале. Они такие же люди без будущего, только еще хуже — у взрослых есть хотя бы прошлое. Кроме того, все привязанности, все чувства, возникшие на вокзале, сиюминутны. Никто не знает, как повернется судьба в следующий момент, кого убьют, кто пропадет. Пропажа человека — дело обыкновенное. Его и не пытаются найти — все равно бесполезно. Человек, ребенка, которого ты любил, в любой момент может исчезнуть, и ты не сможешь ему ничем помочь, даже не узнаешь, была ли нужна твоя помощь. Вся эта безнадежность скрывается за мечтами о том, как когда-нибудь «мы все заживем», это обсуждается почти каждый день, но всем ясно, что скорее всего это так и останется мечтой.

## V

О жизни на вокзале достаточно сложно рассказать. Слишком много там явлений, не до конца мне понятных. Поэтому последняя часть статьи целиком состоит из случаев и разговоров, произошедших на вокзале. Свои комментарии я постараюсь сократить до минимума. Наверное, рассказ стоит начать с того, как и почему человек становится бомжом.

В первый же день своего пребывания на вокзале я познакомилась с молодым парнем Сережей, который имел профессию плотника. Он приехал из глубинки «заработать денег». У



него дома семья — жена и маленький ребенок, есть нечего. Ему рассказывали, что в Москве за работу много платят и что очень многие специально приезжают в столицу заработать. Это и толкнуло его на поездку. Не представляя себе, что же такое на самом деле Москва, он был уверен, что без проблем найдет работу и жилье. В первый же день оказалось, что снять квартиру — очень дорого, да и на работу берут в основном москвичей. Ночевать ему пришлось на вокзале, где бомжи украли у него документы и деньги. Путь домой, таким образом, был отрезан. К тому же гордость не позволяла ему вернуться домой ни с чем, ведь обещал приехать с деньгами. Два дня он отказывался есть на кухне для бомжей: «Не хочу, чтобы люди думали, что я бомж какой-то». Дошло до того, что бомжи брали для него еду и приносили в укромное место. Один из них мне объяснял: «Да ладно, он привыкнет, мы сами когда-то такими же были». Сережа старался выглядеть подчеркнуто чистым, с бродягами на виду у прохожих не общаться. На любые реплики со стороны нормальных людей реагировал крайне болезненно. Очень вежливо разговаривал с людьми из благотворительной организации, всем своим видом давая понять, что он «не бомж какой-то», а нормальный человек, квалифицированный работник. Когда на третий день ему предложили работу не по специальности и с низкой зарплатой, он вспылал: «Я не бомж, чтобы за любую работу браться, я хороший мастер, у нас в поселке меня ценили». Сережа с каждым днем все болезненнее относился к любому, малейшему нарушению своих прав, цеплялся к каждой мелочи. Все время ругал меня за то, что я не имею чувства собственного достоинства, общаюсь непонятно с кем. Единственными людьми, которые относились к нему с пониманием, были бомжи: «Ему плохо, он же мозгами понимает, что стал одним из нас, а стоит большего». Они беззлобно подшучивали над ним и потихоньку опекали его. Когда я последний раз была на вокзале, встретила его пьяным.

«Я недавно женился. Жена — красавица и любит меня. Я до свадьбы много бродяжничал, но надеялся, что смогу завязать. Отчасти потому и женился — чувствовал, что нельзя так больше. И вот неделю с ней прожил и понял, что обратно на вокзал тянет. Жена не в радость, убить ее хочется, не потому, что не люблю, а потому что вроде бы из-за нее уйти не могу. Ни дом не нужен, ни уют. Тогда я потихоньку, пока жены дома не было, сбежал. А теперь обратно хочется, но страшно. Жена, конечно, примет, но я долго там прожить не смогу. Уж не знаю, что меня на вокзале так притягивает, то ли здешние люди, то ли вольная жизнь». Это рассказ молодого парня. Фотографию своей жены он носит с собой и всем показывает.

«У меня папа умер, а мама пьет. Я давно бродяжничаю, но раньше убежал, только когда у матери сильный запой был, а потом обратно возвращался. Как-то раз она напилась и стала кричать на меня, что я виноват, что она так живет. А потом хотела сжечь меня, полила бензином и спичку бросила. У меня до сих пор на ноге шрам. Тогда я убежал из дома с концами. Вообще-то у меня дом недалеко от вокзала, я иногда захожу туда, проверить, как там мать, но незаметно, чтобы никто не знал». Герою этого рассказа 15 лет. Он прибил к взрослым бомжам, и теперь они о нем заботятся. В школе этот мальчик не был ни разу в своей жизни.

Можно рассказать еще тысячу историй про то, как люди становятся бомжами. Суть в том, что попадают туда в основном по двум причинам: либо человек почему-то (скорее всего это психические отклонения) не может не бродяжничать, как бы он ни хотел с этим «завязать», что-то непреодолимо тянет его на вокзал, либо человек становится бомжом по некой объективной причине — что-то в его жизни нарушилось, чего он не смог восстановить.

Каждый раз, когда меня представляли новому человеку, одним из первых вопросов было: «Ты замужем? Может, поженимся?» Каждый раз я смущалась, злилась, не знала, что ответить. Все это продолжалось до тех пор, пока Боря не объяснил мне:

«Ты не бойся, тебе ничего такого не предлагают. Просто тот, кто на тебе женится, выберется с вокзала, а об этом каждый мечтает». — «Если мечтают, почему не уйдут отсюда?» — «Это не так просто, у нас ничего нет. Ради чего бросать друзей на вокзале, завязывать с вод-

кой, если в том мире нет никого родного? А когда тебя любят, легче не напиться, вечером домой вернуться».

Боря помогал мне искать девочку, несмотря на простреленную ногу (ее прострелили во время ночных походов). Мы весь день ходили по вокзалу, очень устали, и у Бори открылось кровотечение. «Сядь, отдохни. Тебе нельзя так много ходить» — «А ты куда?» — «Я вокруг похожу, еще поспрашиваю, далеко не уйду». — «Я с тобой». — «Тебе нельзя, так заражение крови можно получить. Это опасно, ты можешь умереть». — «Оль, если я умру, плохого не будет. Понимаешь, не сегодня умру, так завтра, или через год, или через десять лет, и это ничего не меняет. Все равно, другой жизни я уже не узнаю, а этой и знать не хочу. Мы каждый день с Женькой мечтаем, как к нему домой уедем, на юг. И как там жить будем, с ним да малым. Но ведь этого никогда не будет. Я ему этого говорить не хочу, хотя он, наверно, сам понимает, но ведь мы уже не сможем ничего поменять».

«Представляешь, иду я как-то по вокзалу и вдруг вижу: стоит женщина, красивая, гордая и бомжа обнимает. Я думал, белая горячка началась. С чего бы такая гордая, ухоженная да с бомжом. Оказалось, это его жена. Они где-то в деревне жили, он на заработки в Москву поехал и бомжом стал. Так она из деревни приехала, чтобы его найти. И сама по вокзалу ходила — искала. И вот стоит над ним, плачет, обещает домой увезти. Значит, она любит его по-настоящему, а говорят, любви не бывает. Представляешь, меня кто-нибудь вот так найдет?»

Во время моих хождений по вокзалу у меня оторвалась подошва от ботинка. Я не знала, что мне делать, — не ходить же босиком — и пожаловалась одному из бомжей. Через несколько минут пришел другой бомж, достал из своего пакета инструменты и за 10 минут починил мне ботинок. Починил очень хорошо, это была не халтура.

Как-то я спросила, почему они не хотят начать новую жизнь. Практически у всех есть специальность. Денег для начала у них хватит, так что же им мешает. «Мы не можем сами начать. Не понятно, ради кого. Ради себя самих? Кроме того, вот будет у меня квартира. Мне 30 лет, и никогда до этого дома у меня не было. Я не знаю, что там должно быть, не знаю, что там нужно делать. Мне говорили, телевизор можно смотреть, но ведь не всю жизнь мне телевизор смотреть. Ты пойми, я не знаю, что такое свой дом. Я о нем мечтаю, но не знаю, как себя там вести. Один я новую жизнь не смогу начать. Кроме того, куда идти работать? На честную работу с нормальной зарплатой бомжа не возьмут. Значит, либо придется подрабатывать (тоже по ночам), либо заниматься тем же криминалом, только не на себя, а на какого-нибудь дядю, который сам же и подставит. Я уж лучше на себя работать буду. Я же пробовал нормально работать. Сначала вагоны разгружал — на зарплату и еды не купишь, а ночью подрабатывать сил нет. А потом на фирму пошел, так чуть не сел из-за нашего шефа, он долги фирмы на меня списал.

И еще, ты пришла на вокзал. И здесь каждый тебя обмануть пытается, потому что это очень легко сделать. Ты наших законов не знаешь и все время оказываешься лохушкой. Ведь если бы не мы, тебя бы пришибли здесь давно, а ты бы и не поняла. Это не потому, что ты дура, а потому что ничего не знаешь о наших законах, потому что ты как будто в другой мир попала. У тебя в мире ты хозяйка, тебя не проведешь, а у нас ты никто. Если я в ваш мир попаду, со мной тоже самое будет. Меня обмануть будет легче простого. Здесь я хозяин, а там из-за того, что ваших законов не знаю, лохом стану. Меня у вас убьют или подставят. Мы же с тобой даже говорим по-разному, часто друг друга не понимаем.

А про деньги, так они же паленые. Ты не смотри, что их много. Купить на них ничего нельзя. Понимаешь, мы, чтобы деньги получить, грабим и воруем. Вот ограбили мы человека, а днем покупаем водку и убиваем себя этой водкой понемногу. Нам не стыдно, мы напьемся, и все нормально. А вот если мы эти деньги на благо себе потратим и не напьемся, знаешь, как тошно будет? Значит, мы для себя, чтобы нам лучше было, человека покалечили. У наших денег цены нет, они ничего не стоят. На эти деньги только наши жизни пропить можно, а больше они ни для чего не пригодны».

Наверное, эти объяснения кажутся не более чем отговоркой, но это не так. Как-то они заняли у меня денег, а потом отдали. Я иду по улице и чувствую, что хочу есть, а эти деньги тратить противно. Не то что нельзя, а просто очень противно. И это было до разговора, то есть специально я на эту тему не думала.

Вот еще одно объяснение, почему сложно уйти с вокзала: «Здесь мы что-то собой представляем, здесь нас уважают, и мы этого сами добились. А там мы что делать будем, как нам у вас в мире уважения добиться? Страшно бросить здесь все, чтобы в вашем мире не достичь ничего».

Как-то благотворительная организация перед едой призывала поблагодарить Бога за то, что бомжи как «у Христа за пазухой». «Да за пазухой, только у Христа ли? Особенно ночью Бог нас бережет. Я сплю, а Женька сторожит, чтоб меня ногами не забили, а потом наоборот. Хорошо нас берегут. А однажды вместе заснули, так нас так избили, что стыдно было потом на улицу выходить».

У одного бомжа на вокзале есть жена и дочка. Они там же живут. Девочке 5 лет. Обычно с ней мама сидит, но когда у нее дела, то она с Ваней остается. Ваня — один из основных бомжей, в его обязанности входит следить за драками, чтобы все по справедливости было. Однажды во время еды затеялась драка, и он должен был присутствовать. А девочка в этот момент шла через парк с большой тарелкой горячего супа. Ваня остановил драку, помог девочке донести суп, и только потом пошел разбираться. Такую заботу, как об этом ребенке, я редко встречала даже в благополучных семьях. Ваня очень пугался, если она отходила от него, боялся, что потеряется. Покупая водку, никогда не забывал про шоколадку для нее. Когда начиналась драка, просил увести ее подальше, «чтобы лишнего не видела». «Однажды драка большая была, Аньке 4 года было. На меня мужик с ножом пошел. Так она кинулась ко мне, загородила и давай ругаться на него. Ножа ради меня не побоялась, отважная».

Можно еще много рассказывать про бомжей, про то, как они живут. Могло сложиться впечатление, что я идеализирую бомжей и специально опускаю всю негативную информацию о них. Это не так. Просто я действительно не смогла вспомнить ничего плохого. Мне повезло. Может создаться впечатление, что основной вывод этой работы: все бомжи — хорошие. Это такая же неправда, как и утверждение, что все они плохие. Среди бомжей, как и среди любого другого класса населения, встречаются как подонки, так и очень достойные люди.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть важные моменты, ради которых и была написана эта статья.

1. Большинство обитателей попали туда не по своей воле. Каждый хотел бы изменить свою жизнь, выбраться с вокзала, но никто не знает, как это сделать. Для того, кто бродяжничал, «завязать» с этим очень сложно, так как эта жизнь очень сильно затягивает.

2. Работа по реабилитации бомжей не может строиться по принципу «помоги себе» из-за слишком низкой самооценки. Они настолько не уважают себя, что не могут «помочь себе ради себя самого». При этом они готовы помогать другим.

3. Жестокость и грубость, царящие на вокзале, — это следствие отношения нашего общества к бомжам.

4. СМИ склонны показывать только отрицательные стороны жизни бомжей, и создается мнение, что в их жизни нет светлых, хороших и добрых моментов. Это неправда. Как и в любом другом месте, на вокзале есть и хорошее, и плохое.

5. Нельзя осуждать бомжей за тот образ жизни, который они ведут. Они живут в своем мире, со своими традициями, законами и правилами, которые продиктованы реальностью вокзала, а стало быть, особенностями их жизни.